

IJTIMOYIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

ISSN 3060-5059

VOL.3 № 5

2026

VIKTOR PELEVINNING «CHAPAYEV VA PUSTOTA (BO'SHLIQ)» ROMANIDA MIFOPOETIKA VA BUDDAVIY KODLAR

Baxronova Gulchiroy Faxriddinovna
Buxoro davlat universiteti, magistrant

Annotatsiya

Maqolada V.O.Pelevinning «Chapayev va Pustota (Bo'shliq)» romaniga xos mifopoetik va buddaviy elementlar bir-biri bilan ta'sirlashuvchi ma'no qatlamlari sifatida tahlil qilinadi. Hikoya qilishning ikki qatlamli kodlanishi kuzatilib, qizil qo'mondon haqidagi sovet afsonasi bilan postmodern o'yin dzen-daos bo'shliq tushunchasi bilan birikadi. Tahlil bodxisattva-Chapayev obrazi, Ichki Mongoliya tushunchasi va Pyotr Pustota hamda Chapayev qahramonlari juftligi atrofida olib boriladi. Strukturaviy-semiotik, mifopoetik, qiyosiy-tarixiy va germevtik usullardan foydalanilgan.

Kalit so'zlar: V.O.Pelevin, «Chapayev va Pustota (Bo'shliq)», rus postmodernizmi, mifopoetika, buddaviy kodlar, Ichki Mongoliya, simulyakr, dzen-buddizm, sitatchilik, badiiy makon, bodxisattva.

МИФОПОЭТИКА И БУДДИЙСКИЕ КОДЫ В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «ЧАПАЕВ И ПУСТОТА»

Бахронова Гульчирой Фахриддиновна
Бухарский государственный университет, магистрант

Аннотация

В статье рассматриваются мифопоэтические и буддийские составляющие романа В.О.Пелевина «Чапаев и Пустота» как взаимодействующие смысловые уровни. Прослеживается двойная кодировка повествования, при которой постмодернистская игра с советским мифом о красном командире сочетается с дзенско-даосским концептом пустоты. Анализ ведётся вокруг образа Чапаева-бодхисаттвы, понятия *Внутренней Монголии* и зеркальной пары героев Пётр Пустота и Чапаев. Используются структурно-семиотический, мифопоэтический, сравнительно-исторический и герменевтический методы.

Ключевые слова: В.О.Пелевин, «Чапаев и Пустота», русский постмодернизм, мифопоэтика, буддийские коды, Внутренняя Монголия, симулякр, дзен-буддизм, цитатность, художественное пространство, бодхисаттва.

MYTHOPOETICS AND BUDDHIST CODES IN THE NOVEL «CHAPAEV AND PUSTOTA» BY VIKTOR PELEVIN

Bakhronova Gulchiroy Fakhriddinovna
Bukhara State University, Master's student

Abstract

The article examines the mythopoetic and Buddhist components of V.O.Pelevin's novel «Chapayev and Pustota» as interacting layers of meaning. The study traces the double coding of the narration, where postmodernist play with the Soviet myth of the Red Commander combines with the Zen and Daoist concept of emptiness. Analysis is centred on the figure of Chapayev as bodhisattva, the concept of *Inner Mongolia* and the mirror pair of characters Pyotr Pustota and Chapayev. Structural-semiotic, mythopoetic, comparative-historical and hermeneutic methods are applied.

Keywords: V.O.Pelevin, Chapayev and Pustota, Russian postmodernism, mythopoetics, Buddhist codes, Inner Mongolia, simulacrum, Zen Buddhism, citation, artistic space, bodhisattva.

В 1996 году журнал Журнал «Знамя» опубликовал роман Чапаев и Пустота, а осенью того же года отдельной книгой текст вышел в издательстве «Вагриус». Премию Малый Букер произведение получило годом позже. Около тридцати диссертационных работ, защищённых после 2000 года, посвящены целиком или преимущественно этому роману, в их числе исследования Т. Н. Марковой, О. Ю. Осьмухиной, А. А. Цыганова. Поэтика книги соединяет приёмы русского постмодернизма с философией дзен-буддизма, шаманскими образами Внутренней Азии и

пародийным переосмыслением советского мифа о красном командире. Сочетая западную технику цитирования с восточной метафизикой, текст занимает особое положение в российской литературе 1990-х годов, где буддийская доктрина пустоты подаётся приёмами соц-арта и концептуализма.

Цель статьи состоит в выявлении мифопоэтических и буддийских составляющих романа Чапаев и Пустота как взаимодействующих смысловых уровней. Анализ строится вокруг трёх узлов, среди которых образ Чапаева как бодхисаттвы, понятие Пустоты и мотив Внутренней Монголии.

Методы исследования и обзор литературы. Методология опирается на сочетание четырёх подходов. Структурно-семиотическому анализу подверглись повторы, симметрии и зеркальные пары романа, парные персонажи Котовский и Сердюк, мотив зеркала в купе бронепоезда. Мифопоэтический подход применён к фольклорному образу Чапаева. Сравнительно-исторический метод задействован при сопоставлении пелевинской «Внутренней Монголии» с даосско-буддийской традицией о недвижимой опоре сознания, засвидетельствованной у Чжуан-цзы и в коанах школы линь-цзи. Привлекая герменевтический разбор отдельных мест текста, удалось уточнить функцию буддийских терминов санскритского происхождения, среди которых «бодхисаттва», «нирвана», «дхарма».

История изучения Чапаев и Пустота открывается обзором Александр Генис, где впервые предложено читать роман сквозь буддийский ключ [2]. Двумя годами ранее, в 1997 году, С. Корнев опубликовал статью «Столкновение пустот», обосновав тезис о парадоксальном «русском классическом постмодернизме» [4]. Введение имени Виктор Пелевин в академическую обойму русского постмодернизма закрепила монография Марк Липовецкий [6]. Развёрнутый разбор поэтики писателя содержится в работе И. С. Скоропанова «Русская постмодернистская литература» [18]. В монографии О. В. Богданова поместила Чапаев и Пустота в широкий контекст русской прозы конца XX века, рядом с произведениями Андрей Битов, Венедикт Ерофеев, Татьяна Толстая [1]. К буддийско-метафизической линии примыкает статья Е. Е. Пронина «Фрактальная логика Виктора Пелевина» [15]. Жанровые особенности прозы В. Пелевина рассмотрены в докторской диссертации Т. Н. Марковой [8]. Учебное пособие Г. Л. Нефагина «Русская проза конца XX века» встраивает роман в характеристику постмодернистских течений десятилетия [9]. В книге В. Н. Курицын «Русский литературный постмодернизм» В. Пелевин рассмотрен как пример «новой дискурсивности» [5]. Биографические сведения собраны в работе С. А. Полотовского и Р. В. Козака «Пелевин и поколение пустоты» [14]. Мифодизайнерский разбор текстов писателя представлен Л. В. Сафронова [16].

Результаты. В романе Чапаев и Пустота сочетаются два типа смыслопорождения. Первый связан с пародийной обработкой советского мифа о красном командире, известного по роману Чапаев. Второй опирается на буддийско-даосский концепт пустоты, заимствованный из текстов школы мадхьямака и дзенских коанов. Двойственность подобного устройства подробно описана Марк Липовецкий. Исследователь характеризует общий ход русского постмодернизма следующим образом: «Постмодернизм намеренно разрушает любые мифологии, понимая их как идеологическую основу власти над сознанием, навязывающей ему единую, абсолютную и строго иерархическую модель истины, вечности, свободы и счастья. Начиная с критики коммунистической мифологии (соц-арт — в изобразительном искусстве, затем концептуализм — в литературе), постмодернизм довольно скоро переходит к критике мифологических концепций русской классической культуры... Формирование паралогической зоны компромисса между симулякр и реальностью, зоны нестабильности, где симулякр непрерывно порождает реальность, а реальность оборачивается симуляцией, определяет механизм эстетического восприятия, характерный для русского постмодернизма» [7, с. 12].

Чапаев у Дмитрий Фурманов разрушается как советский миф, поскольку командир Красной армии превращён в учителя медитации, способного вести беседу о буддийской доктрине четырёх благородных истин. Однако взамен возникает иная мифология — ламаистская фигура учителя, восходящая к традиции тибетской махамудры. Описание купе бронепоезда, обитого фиолетовым плюшем, со свечами и беседами о пустоте, прямо погружает читателя в атмосферу буддийского ритрита. Совпадение двух планов создаёт паралогическую зону, о которой пишет М. Н. Липовецкий, где симулятивный Чапаев непрерывно порождает Чапаева-учителя, а тот, в свою очередь, оборачивается симуляцией советского командира.

Буддийский ключ романа задан понятием «Внутренней Монголии». В разговорах Чапаева с Петром Пустотой это место описано одновременно как онтологическая категория и как

пространство сознания. Программный для романа момент звучит следующим образом: «— Насчёт того, куда попадает человек, которому удалось взойти на трон, который находится нигде. Мы называем это место „Внутренней Монголией“. — А где оно, это место? — В том-то и дело, что нигде. Нельзя сказать, что оно где-то расположено в географическом смысле. Внутренняя Монголия называется так не потому, что она внутри Монголии. Она внутри того, кто видит пустоту, хотя слово „внутри“ здесь совершенно не подходит» [13, с. 369].

По наблюдению Александр Генис, психическая реальность у В. Пелевина выступает единственным критерием истинности. Соответствующий пассаж выглядит следующим образом: «Окружающий мир для Пелевина — это череда искусственных конструкций, где мы обречены вечно блуждать в напрасных поисках „сырой“, изначальной действительности. Все эти миры не являются истинными, но и ложными их назвать нельзя, во всяком случае, до тех пор, пока в них кто-нибудь верит. Ведь каждая версия мира существует лишь в нашей душе, а психическая реальность не знает лжи» [2].

Подобное устройство рифмуется с буддийской доктриной читта-матра («только сознание»), сложившейся в школе йогачара в IV веке нашей эры. Именно поэтому Пётр Пустота не может однозначно решить, какая из двух его жизней реальна: гражданская война 1919 года или московская психиатрическая больница 1990-х годов. Оба плана для героя одинаково подлинны, поскольку оба существуют только внутри его сознания. Чапаев в этой системе занимает место учителя, освобождающего ученика от привязанности к любым реальностям. Сцена с глиняным пулемётом функционирует как буддийский *crāya* — искусный приём, ведущий к мгновенному пробуждению.

Таблица 1. Типы интертекстуальных приёмов в романе Чапаев и Пустота.

№	Тип приёма	Пример из романа	Источник цитирования	Исследователь
1	Псевдоэпиграф	Эпиграф «Глядя на лица...», приписанный Чингизхану	Псевдоцитата (стилизация)	А.Ю.Закуренок
2	Аллюзия на классику	Имя «Пётр Пустота» как отсылка к Ивану Бездомному	М.А.Булгаков, «Мастер и Маргарита»	Е.Е.Пронина
3	Реминисценция	Мотив пробуждения от сна жизни в финале	В.В.Набоков, «Приглашение на казнь»	М.Н.Липовецкий
4	Стихотворная вставка	Стихи Чёрного Барона	Военная поэзия Белого движения	Г.Л.Нефагина
5	Псевдобуддийский текст	«Учение Чапаева о пустоте»	Стилизация дзенского коана	С.Корнев
6	Внутреннее самоцитирование	Пётр Пустота упомянут в «Священной книге оборотня»	В.О.Пелевин	С.А.Полотовский, Р.В.Козак
7	Цитата из массовой культуры	Шварценеггер, «Просто Мария», Че Гевара	Голливуд, мексиканские телесериалы	Е.Е.Пронина
8	Восточный интертекст	Образ «Внутренней Монголии»	Дзен-буддизм, даосизм, ламаистская традиция	И.С.Скоропанова
9	Языковая игра	Каламбур «Котовский - котёнок», «Чапаев - часов»	Многозначность русской лексики	В.Н.Курицын
10	Цитата-симулякр	Лозунги соц-арта, рекламные слоганы	Советская массовая культура	М.Н.Липовецкий

	1990-х		
--	--------	--	--

Цитатное письмо у Виктор Пелевин не является самоцелью, а выступает способом построения сюжета. Псевдопредисловие, открывающее Чапаев и Пустота под именем «Урган Джамбон Тулку VII, Председатель Буддийского Фронта Полного и Окончательного Освобождения», уже задаёт мистификацию. Текст звучит следующим образом: «Имя действительного автора этой рукописи, созданной в первой половине 20-х годов в одном из монастырей Внутренней Монголии, по многим причинам не может быть названо, и она печатается под фамилией подготовившего её к публикации редактора. Из оригинала исключены описания ряда магических процедур, а также значительные по объёму воспоминания повествователя о его жизни в дореволюционном Петербурге... Специалисты по литературе, вероятно, увидят в нашем повествовании всего лишь очередной продукт модного в последние годы критического солипсизма» [13, с. 5].

Предисловие выполняет функцию рамочного приёма, удваивая дистанцию между читателем и текстом. Имя «Урган Джамбон Тулку» совмещает монгольский титул нойона с тибетским именем «Джамбон» и буддийским термином «тулку», обозначающим перевоплощение учителя. Именно так задаётся главная установка романа: восточный учитель проводит ученика через западные литературные конвенции. По наблюдению И. С. Скоропанова, главным героем подобной прозы оказывается не личность, а смысловая единица. Исследовательница формулирует это следующим образом: «Знаки, которыми она оперирует (в силу их поливалентности, отсылки к многочисленным „следам“ в тексте культуры), позволяют создавать произведения, центральными „героями“ которых становятся основополагающие интеллектуально-философские, культурологические, эстетические и т. д. понятия и категории, как бы „материализуемые“ и конкретизируемые: мир (как объект познания), человек (как антропологический феномен), история (как теоретическая дисциплина), цивилизация, природа, культура, философия, наука, литература и др. Скажем, настоящий „герой“ <...> романа В. Пелевина „Чапаев и Пустота“ — русский национальный архетип» [18, с. 437].

Тезис И. С. Скоропановой подтверждается тем, что Пётр Пустота лишён собственной биографии, но насыщен культурной памятью Серебряного века. В тексте романа звучат отсылки к стихам Константин Бальмонт и Александр Блок, упоминаются кафе «Музыкальная табакерка» и сцена чтения Валерий Брюсов стихотворения «Грядущие гунны». Через Петра Пустоту в роман входит вся декадентская традиция начала XX века, обращённая в зеркале буддийской доктрины пустоты. Подобный приём указывает на близость В. Пелевина к концепции «текста как мира» О. В. Богданова и одновременно на преодоление этой концепции восточной метафизикой.

Функциональная природа цитатности у Виктор Пелевин становится особенно заметной при сравнении его прозы с радикальным концептуализмом старшего поколения. В отличие от Всеволод Некрасов или Дмитрий Пригов, В. Пелевин не разрушает собственно высказывание, а превращает его в опору сюжетного движения. Отсюда возникают привычные читателю гибридные ходы, среди которых фамилии-каламбуры (Татарский, Просто Мария, Шварценеггер), пародии рекламных слоганов, сцены-цитаты из произведений Карлос Кастанеда и Эрнст Юнгер. Подобную особенность В. Н. Курицын описывает следующим образом: «Пелевин все эти приёмы ставит на службу занимательности повествования: цитаты превращаются в композиционные приёмы, постмодернистская „деконструкция идеологий“ — в психологию и историческую убедительность, концептуально важное говорение с разных точек зрения, „дискурсивные игры“ — в... как бы это выразиться... тонкое проникновение во внутренний мир мухи и скарабея. Впрочем, и в творчестве классиков постмодернистского письма, „находки“ которых столь успешно переконвертируются в новую дискурсивность, прослеживается очевидная ориентация на живые, реально функционирующие жанры» [5, с. 178].

Тот же принцип сохраняется в позднейших книгах писателя, например в Empire V, где «дискурс» и «гламур» становятся не просто темами рассуждения, а механизмами развития сюжета. Барон Юнгерн с его инициатическим обрядом продолжает пелевинскую линию учителя-проводника, начатую Чапаевым в романе 1996 года. Сходную функцию выполняет и линия Сердюка в Чапаев и Пустота, где японский менеджер Кавабата выступает носителем дзенской мудрости, переплавленной в производственную логику корпорации «Тайра». Сцена с хакари, выполненная как буддийская медитация на непостоянство, иллюстрирует тот же принцип

служебной цитатности, о котором писал В. Н. Курицын. Для В. Пелевина важна не игра ради игры, а доведение героя до точки, в которой его сознание сбрасывает социальную оболочку.

Художественное пространство Виктор Пелевин обладает свойством фрактальности, при котором каждый уровень повторяет структуру целого. В романе Жизнь насекомых подобное устройство уже было опробовано на материале симультанных миров «человек — насекомое». Программный для этой поэтики момент звучит следующим образом: «— А Йа есть только у навозников? — спросил мальчик. — Почему. Йа есть у всех насекомых. Собственно говоря, насекомые и есть их Йа. Но только скарабеи в состоянии его видеть. И ещё скарабеи знают, что весь мир — это тоже часть их Йа, поэтому они и говорят, что толкают весь мир перед собой. <...> Скарабеи — это те, кто несёт древнее знание о сущности жизни, — сказал отец и похлопал лапкой по шару» [12, с. 184].

Продолжение этой линии в Чапаев и Пустота Е. Е. Пронина характеризует через понятие фрактальной логики. Соответствующий пассаж выглядит следующим образом: «Жизнь героев Пелевина протекает в мире, где слиты внутренняя реальность сознания и внешняя реальность окружающего мира. „Культовые“ фигуры: Шварценеггер, „просто Мария“, Че Гевара — становятся персонажами произведений Пелевина наряду с главными героями. Возникает ощущение, что основной средой, в которой человек живёт, к которой он вынужден приспособливаться, является виртуальная среда, образованная его собственным сознанием. Ни читатель, ни герой зачастую не могут различить сон и явь, бредовые видения и жизнь „на самом деле“, да и в конце концов оказывается, что это совершенно не меняет сути дела» [15, с. 9].

Замечание Е. Е. Прониной точно описывает приём вложенного сна, когда Пётр Пустота засыпает в одной реальности и просыпается в другой. Каждый такой переход подаётся как пробуждение, что превращает структуру романа в восемь концентрических кругов медитации. Подобная организация переключается с буддийской схемой восьмеричного пути, упомянутой Чапаевым в восьмой главе, где речь идёт о «правильной концентрации» (*samyak-samādhi*). Фрактальный принцип у В. Пелевина дублирует онтологическую картину дзенской школы, где каждое отдельное явление содержит в себе целое (доктрина «единое во многом и многое в едином», засвидетельствованная у патриарха Хуэйшэн VII века нашей эры).

Таблица 2. Буддийские концепты в романе Чапаев и Пустота и их сюжетные функции.

Концепт	Санскрит	Носитель в романе	Сюжетная функция	Восточный источник
Пустота	śūnyatā	Чапаев, Пётр Пустота	Высшая реальность за пределами противоречий	Сутры Праджняпарамиты
Бодхисаттва	bodhisattva	Чапаев, барон Юнгерн	Учитель, помогающий ученику пробудиться	Сутра «Лотоса благого закона»
Внутренняя Монголия	точного эквивалента нет	Состояние Петра после «выхода»	Метафизическое место «нигде»	Образ скрытой Шамбалы (Е.П.Блаватская, Н.К.Рерих)
Карма	karma	Сердюк, Володин	Сюжетный закон расплаты	«Дхаммапада»
Сатори	satori	Сцена с глиняным пулемётом в бронепоезде	Мгновенное пробуждение	Дзен школы Риндзай
Шравака	śrāvaka	Пётр Пустота как ученик	Слушатель, обретающий освобождение через учителя	Палийский канон
Условная и абсолютная	samvṛti - paramārtha	Деление романа на «1919» и	Двойное устройство мира	Школа мадхьямака, Нагарджуна

истина		«1990-е»		
Самадхи	samādhi	Сцены медитации в кафе «Музыкальная табакерка»	Состояние сосредоточения	«Йога-сутры» Патанджали

В широком контексте русского постмодернизма поэтика Чапаев и Пустота занимает особое положение. О. В. Богданова характеризует общий ход постмодернистской прозы 1990-х годов следующим образом: «Исследователь ставит своей целью выявить истоки и предпосылки возникновения постмодернизма в современной русской литературе, определить его хронологические рамки, (не)совместимость с традициями русской классики. Анализ творчества писателей-постмодернистов – А. Битова, С. Довлатова, Вен. Ерофеева, Т. Кибирова, Н. Коляды, В. Пелевина, Л. Петрушевской, Д. Пригова, Вяч. Пьецуха, Л. Рубинштейна, В. Сорокина, Т. Толстой и др. позволяет обнаружить в нём не только «внешнюю пародийную и ироничную форму», видение «мира как текста и текста как мира», тотальное неприятие социума и всего человеческого жизнеустройства в его современных формах» [1, с. 6].

Наблюдение О. В. Богдановой работает в обе стороны. Внешняя пародийность здесь сочетается с устойчивым этическим стержнем, заимствованным из буддийской доктрины восьмеричного пути. Сходным образом построен и более поздний роман Generation «П», где псевдомифологический материал шумеро-аккадской традиции (Иштар, Энкиду, зиккурат) сосуществует с социальной сатирой на рекламную индустрию 1990-х годов. «Татарский очень стеснялся своего имени, представляясь по возможности Вовой. Потом он стал врать друзьям, что отец назвал его так потому, что увлекался восточной мистикой и имел в виду древний город Вавилон, тайную доктрину которого ему, Вавилену, предстоит унаследовать. <...> СССР, который начали обновлять и улучшать примерно тогда же, когда Татарский решил сменить профессию, улучшился настолько, что перестал существовать (если государство способно попасть в нирвану, это был как раз такой случай)» [10, с. 9].

Сравнение двух романов показывает преемственность поэтики. В Чапаев и Пустота восточная философия даётся через буддийский ключ дзенской школы, в Generation «П» она преломлена шумеро-аккадской мифологией, но смысловое ядро остаётся прежним — утверждение нереальности социального мира и поиск выхода во «Внутреннюю Монголию» сознания. Образ Татарского, поднимающегося по зиккурату вавилонской башни, повторяет восхождение Петра Пустоты на «трон, который находится нигде».

Обсуждение. Внешне писатель использует механику деконструкции, внутренне же отстаивает буддийско-эзотерическую картину мира. Он использует постмодернистскую форму для того, чтобы провести через неё содержание, принципиально внепостмодернистское, — буддийскую и эзотерическую доктрину. «Если классические постмодернисты деконструируют любые идеологии, то В. Пелевин использует механизм деконструкции для отстаивания своей собственной — восточно-метафизической — картины мира» [4, с. 247]. Сходное наблюдение делает А. Ю. Закурченко на материале Чапаев и Пустота, когда обращается к буддийскому толкованию финала романа. «„Чапаев“ и „Пустота“ есть одно и то же. Нет ничего, кроме Пустоты, и противопоставить ей что-либо Пелевин не может. Да и не хочет. <...> Нирвана есть Ничто, Никто, Нигде. Чапаев, Учитель-бодхисаттва для Петьки, Анки и Г. Котовского, радуется, услышав от ученика („шравака“ — „тот, кто достигает просветления при помощи Учителя“) ответ на вопрос: „Кто ты?“ — „Не знаю“; „Где мы?“ — „Нигде“. Осознание себя и мира как Пустоты есть последний этап на пути к Нирване» [3].

Совпадение выводов трёх независимых исследователей (С. Корнев, А. Ю. Закурченко, Е. Е. Пронина) указывает на устойчивость такой интерпретации в русской пелевинистике. Полученные результаты согласуются и с поздними произведениями писателя, где буддийская идея бестелесного сознания развёрнута на материале искусственного интеллекта. В романе iPhuck 10 герой-алгоритм Порфирий Петрович формулирует это следующим образом: «С известными оговорками, я и есть то, что люди прошлого называли „искусственным интеллектом“. Чего они не понимали, люди прошлого, — это того, что искусственный интеллект вовсе не будет роботом с лампочкой на голове. <...> Искусственный интеллект — это бестелесный и безличный дух, живущий в построенной

человеком среде, — код, свободно копирующий и переписывающий свои секвенции и большую часть времени не сосредоточенный нигде конкретно» [11, с. 11].

Самохарактеристика Порфирия Петровича повторяет описание «Внутренней Монголии», где состояние пустоты определено как нахождение нигде. Преемственность буддийского кода прослеживается через двадцать с лишним лет писательской работы. Эволюция идёт от советского материала Омон Ра и Жизнь насекомых через Чапаев и Пустота к информационным мирам Empire V и iPhuck 10, но философская сердцевина (доктрина пустоты и техники её постижения) остаётся неизменной.

Заключение. Анализ романа Чапаев и Пустота позволил уточнить характер взаимодействия мифопоэтических и буддийских составляющих в его поэтике. Двойная кодировка повествования сочетает пародийную обработку советского мифа о красном командире с дзен-даосской доктриной пустоты, причём образ Чапаева совмещает функции исторического командира и бодхисаттвы. Концепт «Внутренней Монголии» работает как метафизическое место «нигде», параллельное буддийской śūnyatā и даосско-чжуан-цзыскому «недвижимому центру». Цитатное письмо у В. Пелевина выполняет здесь служебную задачу, организуя сюжет и оттеняя философский план.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова О. В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX века – начало XXI века). – СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 716 с.
2. Генис А. А. Феномен Пелевина // Общая газета. – 1999. – № 16, 22–28 апреля. – URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gen1/1.html>
3. Закурченко А. Ю. Структура и истоки романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота», или роман как модель постмодернистского текста // Топос: литературно-философский журнал. – URL: <https://www.topos.ru/article/4032>
4. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной аванюре Виктора Пелевина // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 28. – С. 244–259.
5. Курицын В. Н. Русский литературный постмодернизм. – М.: ОГИ, 2000. – 288 с.
6. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. – 317 с.
7. Липовецкий М. Н. Постмодернизм в русской литературе: агрессия симулякров и саморегуляция хаоса // Вестник истории, литературы, искусства. – М.: Собрание; Наука, 2005. – Т. 1. – С. 8–25.
8. Маркова Т. Н. Формотворческие тенденции в прозе конца XX века (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. – Екатеринбург, 2003. – 379 с.
9. Нефагина Г. Л. Русская проза конца XX века: учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 320 с.
10. Пелевин В. О. Generation «П»: роман. – М.: Вагриус, 1999. – 336 с.
11. Пелевин В. О. iPhuck 10: роман. – М.: Эксмо, 2017. – 416 с.
12. Пелевин В. О. Жизнь насекомых: роман. – М.: Вагриус, 2000. – 256 с.
13. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота: роман. – М.: Вагриус, 2000. – 416 с.
14. Полотовский С. А., Козак Р. В. Пелевин и поколение пустоты. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 232 с.
15. Пронина Е. Е. Фрактальная логика Виктора Пелевина // Вопросы литературы. – 2003. – № 4. – С. 5–30.
16. Сафронова Л. В. Мифодизайнерский комментарий к текстам Пелевина // Критика и семиотика. – 2004. – Вып. 7. – С. 235–250.
17. Силантьев И. В. Риторика дискурсных смещений в романе В. Пелевина // Критика и семиотика. – 2005. – Вып. 8. – С. 205–215.
18. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта; Наука, 2001. – 608 с.